

О культуре русского языка в медицинском сообществе

А.С. Петрухин

ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова»;
Россия, 117997 Москва, ул. Островитянова, 1

Контакты: Андрей Сергеевич Петрухин epineuro@yandex.ru

После нескольких месяцев пребывания в карантине, изолировавшись от непосредственного общения с людьми и оставшись один на один с телевизором в последнее время, мне часто приходится задумываться о качестве русского языка и письменности, которое демонстрируют наши соотечественники при личном контакте и в социальных сетях. Карантин сподвиг А.С. Пушкина на создание во время Болдинской осени своих лучших произведений, и именно благодаря этому у нас имеется высочайшая шкала оценки качества русского языка — его золотой эталон. Нам всегда твердят, что русский язык самый богатый язык в мире (правда, я не знаю критериев такой оценки), это язык Пушкина, Тургенева, Льва Толстого и многих других великих писателей и поэтов. Но стоит отметить, что бессмертные произведения написаны и на многих других языках. Когда живешь в одной стране, изолированной от всего остального мира, не задумываешься об этом. А я впервые обратил внимание на то, каким красивым и мелодичным русским языком рассказывали о своей жизни за границей русские эмигранты, возвращавшиеся на родину в период перестройки. Как красив язык Н.С. Лескова и А.Н. Островского, которые, к сожалению, стали в последние годы «немодными». Поэты и писатели, драматурги вносят вклад в развитие языковой культуры.

Рекомендую еще раз прослушать беседы Иосифа Бродского с поэтом Евгением Рейном во время их прогулок по Венеции, и вы сможете убедиться в красоте русского языка. А ведь И. Бродский, насколько я помню, закончил только школу рабочей молодежи. Так как поэзия наиболее емко и кратко освещает суть событий, тем более в 75-летие Великой Победы, стоит привести его стихотворение «На смерть Жукова», которое, по моему мнению, отличается не только высоким качеством русского языка, но и совершенством, лаконичностью стиля, и стало литературным памятником великому полководцу. Приведем это стихотворение полностью:

*Вижу колонны замерших звуков,
гроб на лафете, лошади круп.
Ветер сюда не доносит мне звуков
русских военных плачущих труб.
Вижу в регалиях убранный труп:
в смерть уезжает пламенный Жуков.*

*Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражьих тупей,
блеском маневра о Ганнибале
напоминавший средь волжских степей.
Кончивший дни свои глухо в опале,
как Велизарий или Помпей.
Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».
К правому делу Жуков десницы
больше уже не приложит в бою.
Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою.
Маршал! поглотит алчная Лета
эти слова и твои прахоры.
Все же, прими их — жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и военная флейта,
громко свисти на манер снегиря.*

Стоит обратить внимание на то, что Бродский написал это стихотворение в 1975 г., уже находясь в эмиграции. К его творчеству особенно были равнодушны наши бдительные органы и, в частности, руководитель его идеологического управления Ф. Бобков.

Второй раз мне пришлось задуматься о чистоте русского языка прошлым летом, когда я присел немного отдохнуть в конце жаркого дня на скамейку в парке. Рядом на скамейку сели девушка и два молодых человека, они весело общались друг с другом. Только минут через десять я вдруг осознал, что из их разговора не понял не только сути, но и не знал большинства слов, кроме двух-трех матерных.

В каждой специальности, конечно, всегда есть свой сленг и устоявшиеся обороты речи, например, у сотрудников правоохранительных органов в ходу слово «осужденный», у медицинских работников — «роженица» и др. Но в последнее время состояние русского языка вызывает опасения: обилие иностранных слов, сленг не только уничтожают красоту языка, но и вообще настолько искажают смысл сказанного, что фразы

становятся просто абсурдными. Ну ладно, было бы это общение так называемого простого народа (хотя я и сам не понимаю этого определения, тем более в стране, в которой уничтожены сословные различия и, к сожалению, большая часть интеллигенции), но сейчас сленг, извращенный русский язык и обороты низших слоев общества свойственны всем, в том числе и представителям средств массовой информации, как зачастую и хамская манера общения. Необходимо понимать, что каждое слово имеет определенное смысловое значение, а фразы имеют так называемый подтекст.

Хочу привести несколько примеров из полученных в последнее время писем, а также услышанного по телевидению. Поражает обилие упрощенных слов: например, социальная политика у нас заменяется словом «социалка», оборонная промышленность — «оборонка», молочные продукты — «молочка», учебное заведение — «учебка», удаленная работа — «удаленка», и несть им числа. Эти сокращения не только упрощают речь, но и снижают ее смысл и значимость процесса, сложности и объема выполняемых задач. Мне могут возразить: ведь есть русское слово «пивнушка» — да, действительно, но это слово прекрасно отражает как характер самого учреждения, так и его малозначительность. А чего стоит часто употребляемый оборот «куча людей»? Как народ может быть кучей? Этим словом обозначается нечто иное.

Приведу пример из более близкой нам темы. В России принято называть медицинские учреждения «больницами», а в последнее время все чаще звучит слово «больничка», хотя, начиная с XVII века, со времен Петра Великого и до Павла Первого, у них было другое название, принятое во всем мире — «госпиталь». Проанализируем смысловое значение этих двух слов: «больница», в котором корень «боль», и «госпиталь», иностранное слово, органично вошедшее в русский лексикон и произошедшее от английского “hospitality” — «гостеприимство». Последнее, согласитесь, звучит более гуманистично.

В русский язык издревле вносились различные слова иностранного происхождения, и они органично вписывались в лексикон. Более того, был период, когда русская аристократия вообще не разговаривала на родном языке, и это, пожалуй, единственный случай в мировой истории. Это и породило психологический разрыв высших слоев общества с народом и в конечном счете явилось одной из причин произошедшей позже революции. С другой стороны, как правило, средние и низшие слои населения вносили свои так называемые усовершенствования, например, в конце IX века чиновники, чтобы показать свое преклонение перед начальством, добавляли в конце фразы букву «с». Это выглядело очень комичным и вошло в хрестоматийные литературные произведения. Революция 1917 г. пере-

вернула не только государственное устройство, но и внесла кардинальные изменения в русский язык: от экспериментов с языком поэтов-имажинистов и увлекающейся словотворчеством советской бюрократии с безмерным употреблением аббревиатур до примитивного языка некоторых представителей общества, высмеянных Ильфом и Петровым в лице их литературного персонажа — Элочки Любоедки. В середине XX века в СССР предъявлялись более строгие требования к языку, все газеты и книги находились под строгим надзором цензуры и ответственностью редакторов, поэтому и газеты, и выступления по телевидению и радио отличались скучным, но правильным языком. Правда, уже тогда начала развиваться мода на писателей, описывающих жизнь дна общества. Причем сначала эта тенденция возникла на Западе: Э. Берджесс с его «Заводным апельсином» в Англии, Лео Херли с его новеллой, экранизированной Джоном Шлезингером под названием «Полуночный ковбой» — первый фильм категории X, получивший премию «Оскар» (сейчас эту категорию отменили, и этот язык общения стал обычным явлением, как и действия и взаимоотношения персонажей). В нашей стране таким знаковым явлением стало произведение Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки». Эта мода и в последующие годы перестройки (с разгулом преступности и так называемых братков) внесла свои коррективы, и в язык стали внедряться элементы уголовного жаргона — такие словечки, как «беспредел», а также обороты речи из популярной в годы перестройки «Интердевочки»: «без проблем», «по полной программе». Позже открытие границ и массовый заграничный туризм также внесли свою лепту в этот процесс, причем не лучшего качества. Появилось множество иностранных названий кафе и ресторанов, но одно дело, если бы они были аутентичными, другое — бесконечные «барбершопы», «бутчеры» и т. п., выглядящие неуместно. Речь ведущих телевидения пестрит такими словечками, как «фейк», «хайп», которые уже режут слух. Тут меня могут упрекнуть, сказав, что я-де русофил и противник всего нового и т. д. Однако могу ответить, что слово «фейк-ньюс» можно вполне заменить на «ложное сообщение (новость)», но лучше всего тут подошло бы органично вошедшее в наш словарь иностранное слово «дезинформация».

И наоборот: сейчас, в связи с карантином, все время употребляют слово «вывозной» («вывозные рейсы») вместо прижившегося в российском словаре слова «эвакуация». Неужели опасаются аналогии с перемещением людей во время войны? Ладно бы это слово употребляли ведущие на телевидении или сотрудники, не имеющие филологического образования, но его использует в своей речи и пресс-секретарь МИД М. Захарова, защитившая диссертацию, посвященную символике, однако отличающаяся развязной манерой

общения с прессой. Тут вспоминается изречение Уинстона Черчилля: «Дипломат — это человек, который дважды подумает, прежде чем ничего не сказать».

После столь обширного предисловия теперь можно и перейти к основной теме. Среди многих специальностей есть только две, где от культуры речи специалистов зависит судьба человека, — это врач и юрист. Дело в том, что благодаря четко и правильно сформулированным фразам в беседе с врачом возникает понимание, и, следовательно, от этого зависит здоровье пациента, как от речи юриста зависит судьба человека. Даже неудачное слово или шутка врача может вызвать у пациента недоверие. А в разговоре врача с собеседником неправильная формулировка или даже одно слово может показать невежество врача. Чего стоят, например, такие формулировки на конференциях, как «сахара в норме»! Что под этим понимает доктор: уровень глюкозы в крови или уровень гликированного гемоглобина? Вспоминаю врачебные обходы с укоренившимися определениями при докладе врачей: «Здесь инсульт, а здесь радикулит». Надо заметить, что пациент не хочет быть «радикулитом», у него есть имя и отчество, и до болезни он занимал определенное положение в обществе. Согласно врачебной этике диагнозы-клички («спастик», «эпилептик» и др.) недопустимы! На это обращал внимание еще мой учитель, академик Л.О. Бадалян.

Как-то я смотрел документальный фильм об А.А. Вишневецком и обратил внимание на то, как тщательно подбирал академик, выдающийся хирург, слова, описывая операцию по трансплантации сердца. Диктуя помощнику, он говорил: «Проведена... нет, осуществлена...», и в конце-концов сказал: «Пиши: выполнена операция по трансплантации сердца». Это слово вполне соответствовало как событию, так и исходу впервые проведенной в СССР трансплантации сердца.

И в качестве контраста — пример из недавно полученного письма. В вебинаре компании UCSB представлена тема лекции профессора из Красноярска «Лечение женской эпилепсии глазами практического врача». Бедный Николай Васильевич! Этот гений человечества сжег рукопись второго тома «Мертвых душ», будучи недовольным своим творчеством! А.С. Пушкин много раз перечеркивал и исправлял свои произведения, и поэтому они стали образцом стиля. А тут автор умудрилась из шести слов составить нелепую фразу, демонстрирующую ее неосведомленность в классификации эпилепсии, и так показать, что она берется не за свое дело.

В научном сообществе наблюдается такое явление, как применение большого количества сокращений, которые зачастую приходится расшифровывать, словно ребус. Приведем некоторые сокращения из приходивших мне писем. Объявления о вебинарах: «Взгляд

специалиста на проблему ХСН и СД2Т — реалии и перспективы», «НАЖБ: сложно диагностировать, трудно лечить».

Обилие иностранных слов под видом наукообразия вызывает улыбку. Вот пример объявления Ассоциации по тромбозу и гомеостазу от 16.05.2020 о проведении посвященной эпидемии COVID-19 онлайн-конференции, целью которой, по мнению организаторов, является «развенчание бесчестного количества спекуляций, откровенных фейков, смыслом которых является откровенный хайп и (само)пиар». Вы что-нибудь тут понимаете? Я — нет. Или такая тема: «Нутриционное сопровождение пациентов с COVID-19». Почему не «питание»? Под сопровождением обычно понимают идущих вместе. Или вот такая тема: «Шизофрения: квест, созданный болезнью и лечением».

В последнее время всем полюбили слово «режим». Замечательна по своей нелепости фраза «пациента наблюдают в режиме постоянного мониторинга»! Еще вопрос вызывает часто звучащая в средствах массовой информации формулировка «больного ввели в состояние искусственной комы». Как это так? Кома — это патологическое состояние! Медикаментозный сон — это другое дело, возможно, наркоз, но не кома! Или «у пострадавшего стабильно тяжелое состояние». Я как врач, имеющий большой опыт работы на скорой помощи и в клиниках с острыми больными, знаю, что тяжелое состояние всегда нестабильное, а стабильно тяжелое — только вегетативное.

С одной стороны, мы ратуем за самоидентичность, опасаясь пагубного влияния Запада на нашу культуру, с другой — замусорили свой язык до смешного. Чего стоят бесчисленные сокращения и бесконечные переименования учебных заведений! Например, я испытываю большие трудности в написании своей автобиографии. Поступив во Второй Московский медицинский институт и проработав в нем почти 50 лет, я потерял счет переименованиям. В настоящее время он называется ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова». Возникает вопрос: если он федеральный и государственный, то он уже национальный, и зачем два раза повторять «образовательный»? Ведь университет предназначен для образования, и дает он именно высшее образование. Это не школа, которая в последнее время получила аббревиатуру СОШ. Причем университет — это сочетание образовательных подразделений (департаментов, факультетов) и научно-исследовательских лабораторий и институтов. Шедевром абсурда является нынешнее наименование Московского института инженеров транспорта (РУТ МИИТ), который менял название за всю свою 120-летнюю историю 15 раз! Сейчас полное наименование этого учреждения звучит так: ФГАОУ «Московский орден Ленина институт инженеров транспорта (Университет)

имени императора Николая II! Я не знаю, от кого автономно федеральное учреждение, а остальное и комментировать излишне. История российская знает много примеров обозначений институтов: от цифровых наименований в 30–50 гг. прошлого века (в связи с тотальной секретностью) до теперешних труднопроизносимых и зашифрованных аббревиатурами громоздких названий. Раньше я думал, что к сокращениям склонны малоразвитые в интеллектуальном плане люди из-за своего косноязычия. После революции 1917 г. появились многочисленные наркомпросы, наркомвнуделы и т. д. И я считал, что аббревиатура напоминает гортанные выкрики первобытных людей. Сейчас мы перешли на новый, более высокий уровень общения, но иногда возникает ощущение, что людям не хочется говорить вообще — лень!

Теперь о культуре речи и общении с пациентами. Как-то в дружеском разговоре мне указали на то, что

я якобы неправильно беседую с пациентами и зачем-то расспрашиваю их о работе, вспоминаю имена видных людей, внесших значительный вклад в развитие той области, в которой работает пациент. В связи с этим хочу привести высказывание выдающегося американского нейрохирурга Харви Кушинга: «Врач должен принимать во внимание не только больной орган, не только человека в целом — он должен видеть человека в его мире». Интерес к профессии пациента не только формальная часть анамнеза жизни, более важно, что он вселяет в пациента уверенность в том, что интерес врача к нему неподдельный. Это и определяет доверие пациента и надежду, что ему, несомненно, помогут. Такую уверенность вселяет и правильная речь врача, который при беседе взвешивает каждое свое слово, руководствуясь древней восточной мудростью: «Помни, что говоришь, кому говоришь и как тебя поймут».